

Эпистолярный стиль молодого Л.Н. Толстого

© А. А. ЩЕРБИНИНА

На основе анализа переписки Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и С.Н. Толстым в статье исследуются изменения, происходившие в эпистолярной манере молодого писателя, которые привели к формированию авторского стиля.

Ключевые слова: переписка Л.Н. Толстого, Т.А. Ёргольская, С.Н. Толстой, эпистолярный стиль, сентиментальный роман, Ж.-Ж. Руссо, мадам де Севинье.

DOI: 10.31857/S013161170001615-5

Based on the analysis of correspondence L.N. Tolstoy with T.A. Ergolskaya and S.N. Tolstoy the article examines the changes that happened in the epistolary of the young writer, which led to the formation of the author's style.

Keywords: correspondence of L.N. Tolstoy, T.A. Ergolskaya, S.N. Tolstoy, epistolary style, sentimental novel, J.-J. Rousseau, madame de Sevigne.

Воспитанием Л.Н. Толстого после смерти его родителей занималась троюродная тетка – Т.А. Ёргольская. Будучи дальней родственницей, она тем не менее играла важную роль в его жизни и стала прототипом Сони в «Войне и мире». В «Воспоминаниях» Толстой писал: «Третье и самое важное лицо в смысле влияния на мою жизнь была тетенька, как мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская» [1]. Первое сохранившееся письмо Толстого к ней датируется 25...28 августа 1845 года. Всего известно сто его писем за 1845 – 1866 годы и сорок два письма Ёргольской за 1851 – 1865 годы. Их переписка занимает особое место в эпистолярном наследии писателя, поскольку отличается специфическим стилем, а также охватывает его молодые годы, становление индивидуальной манеры письма.

Прежние исследователи М. Чистякова, С. Розанова и Р. Лазарчук отмечали связь стиля писем Толстого с традицией французского сентиментального романа XVIII века. М. Чистякова в статье «Лев Толстой и Франция» [2] выявила взаимное влияние французской культуры и Толстого. С. Розанова в работе «Эпистолярное наследие Льва Толстого» представила краткий обзор всей переписки Толстого, а его письма к Ёргольской, назвав «фактом литературы», причислила к «автобиографической прозе» и «архаическому сентиментальному роману» [3]. Р. Лазарчук развила их идеи в статье «Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и А.А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII века – первой трети XIX века». Исследовательница заметила,

что эпистолярный диалог с Ёргольской выделяется из общего тона переписки Толстого — он несет в себе черты романа в письмах. Р. Лазарчук пишет, что «“присутствие” романа, “ощущение” его структуры проявится во всем: в характере сюжета и тематики, расстановке действующих лиц, типах героев и стилистике» [4]. При этом стиль переписки зависит от момента написания письма, начиная беседу на языке адресата, Толстой в конце вернулся к «прежнему» языку, разрушив единство слога, характерного для эпистолярного романа XVIII века.

Наблюдения над перепиской Толстого с Ёргольской показали, что, являясь в молодые годы поклонником Ж.-Ж. Руссо, Толстой перенял характерные для жанра сентиментального романа чувствительность и откровенность, которые способствовали раскрытию его душевных переживаний. Склонность к самоанализу и совершенствованию собственной личности помимо дневниковых записей отразилась в переписке с близкими людьми, в первую очередь с Ёргольской.

Первым заимствования Толстого в письмах к Ёргольской отметил С.Н. Толстой, который являлся очевидцем становления эпистолярного стиля брата. В ироничном письме от 14 июля 1852 года он называл его послания к тетушке «цедулками», не разделяя его чрезмерного подражания, буквально выписывания «тирад из M-me de Genlis и ей подобных» [5. С. 187], а также имитации стиля Ж.-Ж. Руссо: «Ты просишь меня прислать тебе 1-й том Новой Елоизы; зачем она тебе? Из писем твоих к теньке видно, что ты ее помнишь наизусть» [Там же]. При этом С.Н. Толстой отмечает, что заимствования слишком явные, для этого он использует французский фразеологизм *coustus à fil blanc* (Шито белыми нитками. — А. Ш.), усиливая его употреблением в начале *sont jusqu'à un tel point* (До такой степени. — А. Ш.). Так он стремился подчеркнуть несоответствие стиля писем Толстого их назначению, считая дурным тоном «шестидесятилетней женщине писать письма вроде тех, которые писывали в осмнадцатом веке друг другу страстные любовники, ибо теперь этак и любимой особе не напишешь» [Там же]. Подражание Толстого было ориентировано на адресата, Ёргольскую, воспитанную в другое время и в другой эпистолярной традиции, изжившей себя к середине XIX века, о чем свидетельствует реакция старшего брата. Однако тетушка, вопреки ожиданиям С.Н. Толстого, принимала подражание за искренний тон, который вполне мог быть свойственен молодому человеку.

Параллельно с началом переписки с Ёргольской Толстой, по ее настоятельному совету, начинает заниматься литературной деятельностью. Его первые творческие опыты, такие как «История вчерашнего дня», «Детство», «Набег», «Святочная ночь», «Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 г.», разнообразны по стилю, тематике, проблематике и жанру, что свидетельствует о его творческих поисках. Подобные искания характерны и для толстовского эпистолярного романа. Хотя в письмах к другим

адресатам Толстой также экспериментирует и, вероятно, не всегда удачно, например, С.Н. Толстой упрекает его в уже упомянутом письме: «Твои письма зимой ко мне, Митиньке, Дьякову, Перфильевым и еще кажется кому-то; все эти письма пришли с одной почтой <...> слог в них был почти во всех один и тот же, обороты фраз одинакие <...> увидав другие письма, подобные моему, заметил, что это было вовсе не письмо, а какой то (Написание С.Н. Т-го. — *А. Ш.*) циркуляр <...> твое письмо к Митеньке <...> было вовсе не в его духе» [Там же]. Общий тон письма и сатирически-преувеличенное подражание его стилю нашли отклик у Толстого — переписка между братьями прервалась, это констатировал С.Н. Толстой в письме, написанном в середине ноября 1852 года и возобновившем их общение. Ответил Толстой 5 декабря 1852 года письмом, отличным от предыдущего деловой направленностью и простотой стиля.

Критика С.Н. Толстого не прошла бесследно, письма к братьям по большей части лишены художественности. Однако эта перемена не повлияла на стиль писем Толстого к Ёргольской, характерным примером тому могут быть его послания С.Н. Толстому и Ёргольской в первой половине июня 1853 года и Ёргольской и Д.Н. Толстому, датированное 13 — 22 марта 1854 года. Оба письма делятся на две части в зависимости от адресатов: к братьям он обращается по-русски, кратко, без прикрас сообщает о новостях и делах; иначе Толстой пишет тетушке, во-первых, по-французски, во-вторых, возвышенным слогом и более чувствительно. Разительные отличия в стиле внутри одного и того же письма к двум адресатам демонстрирует поворот стиля Толстого к ориентированности на адресата.

Изменения в слогe писем к Ёргольской происходили значительно медленнее. Первое дошедшее до нас письмо Толстого относится к 1845 году — времени его поступления в университет. Оно переполнено оборотами, характерными для светского сентиментального эпистолярного XVIII — начала XIX века. Например, «я негодяй, не заслуживающий вашей любви» [С. 11]; «не наказывайте меня» [Там же]; «о себе я всё вам сообщаю, теперь очередь за вами» [С. 11—12]; «за горе, вызванное расставаньем с вами, я был вознагражден встречей» [С. 12] и др. Кроме того, это письмо включает в себя большую часть элементов, свойственных эпистолярным шаблонам этого периода: начало посвящено самой переписке, далее новости и планы, затем просьба, воспоминания о счастливом времени вместе, сведения об общих знакомых, поручение, приветы и прощание «Тысячу раз целую ручки... Прощайте» [Там же]. Также используются типичные обращения: «милая моя тетенька» [С. 11]; «милая тетенька» [С. 12] и «маленькая тетенька» [Там же]. Вместе с тем Толстой заимствовал из сентиментального эпистолярного самоуничижение автора и возвеличивание адресата, изнеженность и преувеличение чувств, стремление к уединению и благотворному саморазвитию. Таким образом, желание соответствовать письменным стандартам Ёргольской способствовало чрезмерному подражанию эпистолярному стилю прошедшей эпохи.

В последующей их переписке эпистолярные штампы стали употребляться менее интенсивно, хотя периодически возникали подобные письма, например, письмо конца декабря 1849 года, 24 декабря 1850 года, 8 марта 1851 года, 6 января 1852 года и другие. Все они соответствуют основным чертам сентиментального стиля — чувствительности и исповедальности. Оба адресата возвышенно и гиперболизированно признаются друг другу в любви, Толстой пишет 6 января 1852 года: «Ваша любовь для меня всё <...> если вы верите моей любви, это могло бы быть утешением в вашей печали; при сознании вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким» [С. 149]. В разлуке они неутешны: «Я презренный, я дурной, причиняя вам страдания; знаю, что причина вашего горя — я, и решаюсь вернуться к вам, как можно скорее и не расставаться» [С. 50–51] — объясняется Толстой 20–26 мая 1849 года. Ёргольская пишет ему 27 февраля 1851 года: «Мне было так грустно расстаться с тобой, так расстроена я была твоим неожиданным отъездом, что я вылила всё горе, наполнявшее мое сердце в эту минуту» [С. 87]. Иногда чувства становятся настолько сильными, что с ними невозможно справиться: «И я откровенно сознаюсь вам, что плакал от вашего письма» [С. 113] — пишет Толстой 24 июня 1851 года и подобное встретится еще не раз, о чем свидетельствуют письма 15 декабря 1851 года, 6 и 12 января 1852 года.

Толстой подмечал близость стиля Ёргольской стилю мадам де Севинье, о чем свидетельствует его письмо от 24 декабря 1850 года. Легкость и непринужденность ее слога восхищали будущего писателя. Стиль обращения к адресату, «небрежного» сообщения новостей и бытовых подробностей, которые напоминают непринужденную светскую «болтовню» — все это сближает стиль Ёргольской и мадам де Севинье. Кроме того, им свойственна афористичность, которая вслед за этим появляется и у Толстого.

Самым насыщенным периодом переписки с Ёргольской является время службы Толстого на Кавказе. К этому моменту относятся и первые серьезные литературные опыты, что оказывает влияние на его эпистолярный слог. В письмах к Ёргольской проявляются особенности, указывающие на формирование собственного стиля Толстого. Среди них описания местности и происходящих событий, зарисовки нравов населения, портреты окружающих, появляются краткие рассуждения философского характера.

Первое письмо, посланное тетушке по прибытии в Старый Юрт от 22 июня 1851 года, разительно отличается от предыдущих длинными описаниями окружающей реальности, сослуживцев и причудливой природы: «... огромная гора камней, громоздящихся друг на друга; иные оторвавшись составляют как бы гроты, другие висят на большой высоте, пересекаемые потоками горячей воды, которые с шумом срываются в иных местах и застилают, особенно по утрам, верхнюю часть горы белым паром, непрерывно поднимающимся от этой кипящей воды» [С. 105]. В дальнейшем подобные описания становятся

более реалистичными, например, письмо из Бухареста от 5 июля 1854 года, где Толстой приводит свои воспоминания о Силистрии: «Расстилающаяся перед глазами местность не только великолепна, она представляла для всех нас огромный интерес. Не говоря о Дунае, его островах и берегах, одних занятых нами, других турками, как на ладони видны были город, крепость и малые форты Силистрии. Слышна была пушечная пальба и ружейная, не перестающие ни днем, ни ночью, и в подзорную трубу можно было различить турецких солдат» [С. 273].

Подобные изменения свидетельствуют о постепенном переходе эпистолярного стиля Толстого от заимствованного возвышенно-сентиментального к собственному реалистическому. Возможно, эпизод с братом Сергеем, о котором упоминалось выше, побудил Толстого обратить внимание на стиль своих писем к разным адресатам. Литературная работа подвела его к следующей ступени – формированию собственного стиля, и переписка с тетюшкой стала местом, где он мог испробовать свои авторские силы.

Литература

1. Толстой Л.Н. Произведения 1900–1903 гг. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 364.
2. Чистякова М. Лев Толстой и Франция. М., 1937. Т. 31–32. С. 981–1025.
3. Розанова С. Эпистолярное наследие Льва Толстого // Л.Н. Толстой. Собр. соч. В 22 т. М., 1984. Т. 20. С. 770.
4. Лазарчук Р. Переписка Л.Н. Толстого с Т.А. Ёргольской и А.А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII – первой трети XIX века // Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 92.
5. Толстой Л.Н. Письма 1844–1855 гг. Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1935. Т. 59. Далее указ. только стр.

Московский педагогический государственный университет